

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А16

Marina Abramovic
WALK THROUGH WALLS
Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Kuhn Projects, LLC и Nova Littera SIA.

Абрамович, Марина.

А16 Пройти сквозь стены. Автобиография. В новой редакции / Марина Абрамович. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 400 с. — (В ритме эпохи).

ISBN 978-5-17-122035-8

Автобиография Марины Абрамович — это вербальное высказывание, дышащее такой же силой и бесстрашием, как и ее в основном невербальные художественные перформансы. Она с присущим ей сухим юмором рассказывает о детстве и юности, которые прошли под жестким контролем авторитарной матери, о своем искусстве, пронизанном неисчерпаемым любопытством и желанием познать людей. Центральная часть книги посвящена ее отношениям и коллаборации с художником Улаем — отношениям, которые после 12 лет завершились совместным зрелищным перформансом на Великой Китайской стене.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

- © Marina Abramovic, 2016
- © Катя Ганюшина, перевод
- © Яна Овруцкая, составление
- © Roberto Atzeni (Florence 2018), «Женщина в красном» («Woman in red»), изображение на обложке
- © ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-122035-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарность.	6
Глава 1	8
Глава 2	44
Глава 3	71
Глава 4	94
Глава 5	116
Глава 6	132
Глава 7	170
Глава 8	195
Глава 9	228
Глава 10	264
Глава 11	299
Глава 12	334
Глава 13	357

Я посвящаю эту книгу
ДРУЗЬЯМ и ВРАГАМ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я бы не смогла пройти сквозь стены одна.

Прежде всего я бы хотела выразить глубочайшую благодарность Джеймсу Каплану. Он выслушивал меня несчетное количество часов и помог рассказать мою историю. Его желание понять мою жизнь тронуло меня до глубины души.

Я сердечно благодарю Дэвида Куна, убедившего меня, что пришло время написать мемуары, и ставшего моим неустанным гидом в литературном мире, а также благодарю Николь Туртелот.

Спасибо моему издателю Молли Штерн за то, что она открыла свое сердце моей истории и увидела в ней потенциал.

Я более чем признательна моему редактору Тришии Боцковски за ее блестящие комментарии, постоянную поддержку и за понимание моего славянского чувства юмора.

Мне было отрадно работать с высокопрофессиональной, полностью посвящающей себя делу командой Краун Аркетайп: Дэвид Дрейк, Пенни Симон, Джесси Айлен, Джули Кеплер, Мэтью Мартин, Кристофер Брэнд, Элизабет Рендфлиш, Роберт Сик, Кевин Гарсиа, Аарон Блэнк и Уэйд Лукас.

Это благословение — работать с жизнерадостными и страстными членами моей команды в ООО «Абрамович»: Джулиано Аргенциано, Элисон Брейнард, Кэси Куцавлес, Поли Мукай-Хэйдт и Хьюго Хуэрта; и в Институте Марины Абрамович: Серж Ле Борнь, Танос Аргиропулос, Билли Жао, Паула Гарсиа и Линси Пейзинджер.

Я хочу поблагодарить галереи, которые поддерживают мое искусство, о котором вы читаете в этой книге: Галерея Шона Келли, Нью-Йорк; Галерея Лиссон, Лондон; Галерея Лиа Румма, Неаполь и Милан; Галерея Лучианы Брито, Сан-Паулу; Арт Берчи и Компания, Женева; Галерея Кринцингер, Вена; Галерея Брандstrup, Осло.

Я надеюсь, что, читая строки этой книги, мой брат Велимир, его дочь Ивана и три моих крестника, Владка, Антонио и Немо, будут лучше понимать некоторые из принятых мной решений и сделанные в жизни выборы.

Спасибо Дэйву Гиббонсу за его неоценимую духовную поддержку в профессиональной и личной жизни, а также Рите Капаса за дружбу и сестринскую любовь.

Спасибо чудесным людям, которые помогли мне оставаться здоровой долгое время, в том числе и в ходе написания этой книги: доктор Дэвид Орендрих, доктор Линда Ланкастер, доктор Рада Гопалан, мой личный тренер Марк Дженкинс и мой массажист Сара Фолкнер.

Мои пути пересеклись со столькими важными для меня людьми — если бы только здесь было достаточно места, чтобы указать их всех.

И последнее: я надеюсь, что эта книга вдохновит и научит каждого, что не существует непреодолимых преград, если вы стремитесь к своей цели и любите то, что вы делаете.

— Булбон, Франция, 2016

1.

Однажды утром мы с бабушкой пошли в лес. Было красиво и тихо. Мне было всего четыре года, я была совсем маленькой. Вдруг я увидела что-то очень странное — прямую линию поперек дороги. Мне стало любопытно, и я подошла поближе, мне захотелось до нее дотронуться. И в этот момент моя бабушка закричала, да так громко. Я очень четко это помню. То была огромная змея.

Впервые в жизни в тот момент я почувствовала страх, но понятия не имела, чего следовало бояться. На самом деле меня напугал голос бабушки. А змея быстро уползла.

Невероятно, как твои родители и окружение встраивают в тебя страх. А ты столь невинен вначале, что даже не подозреваешь об этом.

Я в Белграде. 1951

Я родом из мрачных мест. Послевоенная Югославия с середины 1940-х по середину 1970-х. У власти коммунистический диктатор маршал Тито. Постоянная нехватка всего и серость повсюду. Есть что-то в коммунизме и социализме — особая эстетика, основанная на уродливости. В Белграде моего детства не было даже монументальности московской Красной площади. Все было каким-то вторичным. Как будто лидеры страны посмотрели на чей-то коммунизм через линзу и построили что-то еще менее симпатичное и более провальное.

Я помню эти коммунальные пространства, выкрашенные в грязный зеленый цвет, голые лампочки, светящие серым светом, от которого под глазами образовывались тени. Этот свет вместе с цветом стен делал кожу каждого желто-зеленой, будто все были больны чем-то желудочным. Что бы ты ни делал, во всем присутствовало ощущение угнетения и депрессивности.

В этих массивных уродливых блочных домах жили целыми семьями. Молодым никогда не давали свое жилье, поэтому в каждой квартире жило несколько поколений — бабушка и дедушка, молодая пара, а потом их дети. Это создавало неизбежные сложности — все эти семьи, набитые в очень маленькие пространства. Молодые вынуждены были идти в кино или в парк, чтобы заняться сексом. А о том, чтобы купить что-то новое или красивое, и речи быть не могло.

Шутка тех коммунистических времен. Человек выходит на пенсию, и за выдающиеся трудовые достижения его награждают не часами, а новой машиной. Ему говорят: «Вы — счастливчик! Вы получите свою машину в такой-то день через двадцать лет!» Он спрашивает: «А утром или после обеда?» Официальный представитель удивляется: «А какая вам разница?» — «Ко мне сантехник должен прийти в этот день», — отвечает человек.

Моей семье не пришлось пройти через все это. Родители были героями войны, воевали против нацистов в составе югославских партизан-коммунистов под руководством Тито, поэтому после войны они стали членами партии и получили важные посты. Отец

был назначен в элитную гвардию маршала, мать стала директором института, осуществлявшего надзор за историческими памятниками и приобретавшего произведения искусства для общественных зданий. Она также была директором Музея искусства и революции. Благодаря этому мы пользовались большим количеством привилегий. Мы жили в большой квартире в центре Белграда — улица Македонская, дом 32. Это был большой дом в старинном стиле, 1920 года постройки, с элегантными железными конструкциями и стеклами, как в парижских квартирах. Мы занимали целый этаж, восемь комнат на четверых — мои родители, мой брат и я, в то время это было неслыханно. Четыре спальни, столовая, огромный салон (так мы называли гостиную), кухня, две ванннные комнаты и комната для прислуги. В салоне стояли шкафы, полные книг, большой черный рояль, а стены были завешаны картинами. Из-за того, что мама была директором Музея революции, она могла посещать студии художников и покупать их холсты — картины, написанные под влиянием Сезанна, Боннара, Виллара, а также много абстрактных работ.

В молодости я считала, что наша квартира была верхом роскоши. Потом я узнала, что она принадлежала богатой еврейской семье и была конфискована во время нацистской оккупации. Позже я также поняла, что картины, развешанные мамой по стенам нашей квартиры, были не очень хорошими. Оглядываясь назад, я думаю, что наш дом был ужасным местом по этой и по другим причинам.

Мои родители Даница и Войин Абрамович. 1945

У моей матери Даницы и отца Войина, известного как Войо, был невероятный роман во время Второй мировой войны. Изумительная история: она была прекрасна, он был красив, и каждый спас жизнь другого. Мама была майором и командовала отрядом на передовой, который находил раненых партизан и доставлял их в безопасное место. Но однажды во время немецкого наступления она заболела тифом. Она была в бессознательном состоянии, у нее был жар, почти полностью накрытая простынкой, она лежала среди тяжелораненых.

Она могла бы легко умереть там, если бы мой отец не был любителем женщин. Увидев длинные волосы, торчащие из-под простынки, он приподнял ткань, чтобы взглянуть на ее лицо. Когда он увидел, как красива она была, то отнес ее в безопасное место в деревню неподалеку, где ее выходили крестьяне.

Спустя шесть месяцев она вернулась на фронт снова доставлять раненых солдат в госпиталь. Там в одном из смертельно раненных она мгновенно узнала человека, спасшего ее. Мой отец умирал от кровопотери, крови для переливания не было. Выяснилось, что у них с мамой одна группа крови, она стала его донором и так спасла ему жизнь.

Как в сказке. Потом война вновь их разлучила.

Но они снова нашли друг друга и, когда война закончилась, поженились. В следующем году родилась я — 30 ноября 1946 года.

Накануне ночью маме приснилось, что она родила гигантскую змею. На следующий день во время заседания ячейки партии у нее отошли воды. Она отказалась прерывать совещание и поехала в больницу, только когда встреча завершилась.

Я родилась раньше срока, роды были тяжелыми. Плацента вышла не до конца, и у матери начался сепсис. Она снова чуть не умерла и пролежала в больнице почти год. Еще долго после этого ей было сложно продолжать работать и воспитывать меня.

Первое время обо мне заботилась горничная, работавшая в нашем доме. У меня было плохое здоровье, я мало ела и была кожа да кости. У горничной был сын того же возраста, что и я, которому она скормли-вала все, что я не съела. Мальчик стал большим и толстым. Когда к нам в гости пришла моя бабушка Милица, мать моей матери, и увидела, какой тощей я была, она ужаснулась. Она тут же забрала меня к себе, я прожила у нее шесть лет, пока не родился мой брат. Родители наве-щали меня только по выходным. Для меня они были незнакомцами, появлявшимися раз в неделю с подарками, которые мне не нравились.

Говорят, ходить я не любила. Бабушка сажала меня на стул за ку-хонный стол, уходила на рынок, а когда возвращалась, я сидела на том же месте. Не знаю, почему я отказывалась ходить. Мне кажется, это могло объясняться тем, что меня все время передавали из одних рук в другие. Я ощущала себя лишней, может быть, мне казалось, если я пойду, то снова лишусь обретенного места.

Проблемы в отношениях родителей начались практически сразу, воз-можно, еще до моего рождения. Их свела невероятная история любви и привлекательная внешность — их свел вместе секс, — но много всего остального развело их. Мама была интеллектуалкой из состоятельной семьи, училась в Швейцарии. Бабушка рассказывала, что, когда моя мама ушла из дома, чтобы примкнуть к партизанам, она оставила шестьдесят пар обуви, взяв с собой только крестьянские ботинки.

Семья моего отца была бедной, но они были героическими во-енными. Его отец, майор, был отмечен наградами. А сам папа до войны сидел в тюрьме за коммунистические идеи.

Для мамы же коммунизм был абстрактной идеей, чем-то, о чем она узнала в Швейцарии, изучая Маркса и Энгельса. Стать партизанкой было для нее идеологическим и даже модным выбором. А для отца это был единственный путь, потому что он вышел из бедной, к тому же военной семьи. Он был настоящим коммунистом. Он верил, что коммунизм может изменить классовую систему.

Мама любила ходить на балет, в оперу, на концерты классической музыки. Папа любил жарить поросят и пить со своими товарищами

из партизанского движения. То есть общего у них не было практически ничего. Это привело к очень несчастливому браку. Они все время ругались.

Неравнодушие отца к женщинам, когда-то сведшее их с матерью, тоже сыграло в этом свою роль.

С самого начала их брака он изменял ей. Мать ненавидела это, а вскоре возненавидела и его самого. Естественно, я об этом ничего не знала, пока жила с бабушкой. Но когда мне исполнилось шесть и родился мой брат Велимир, меня забрали обратно. Новые родители, новый дом, новый брат, и все одновременно. И практически сразу моя жизнь стала хуже.

Я помню, мне так хотелось назад к бабушке, потому что там я чувствовала себя в безопасности. Там было так спокойно. Все эти ее утренние и вечерние ритуалы придавали дню особый ритм. Бабушка была очень религиозной, и вся ее жизнь строилась вокруг церкви. Каждое утро в шесть часов она зажигала свечку и молилась. А в шесть вечера она зажигала другую свечку и снова молилась. Я ходила с ней в церковь каждый день, пока жила с ней, и выучила всех святых. В ее доме всегда пахло ладаном и свежесваренным кофе. Она жарила зеленые кофейные зерна и потом вручную молола их. Я ощущала глубокое чувство умиротворения в ее доме.

Когда я начала снова жить с родителями, мне стало не хватать этих ритуалов. Мать с отцом работали весь день, оставляя меня с горничными. К тому же я очень ревновала к брату. Он был мальчиком, первым сыном, он мгновенно стал фаворитом. Так заведено на Балканах. У родителей моего отца было семнадцать детей, но его мать держала при себе только фотографии сыновей, дочерей — никогда. Рождение моего брата было воспринято как великое событие. Позже я узнала, что, когда родилась я, отец даже не сказал об этом никому, когда же родился Велимир, Войо гулял с друзьями, выпивал, палил в воздух и потратил много денег.

И что еще хуже, вскоре у брата развилась форма детской эпилепсии — у него начались приступы, и все стали порхать вокруг него и уделять ему еще больше внимания. Однажды, когда никто не следил (мне было тогда шесть или семь), я попыталась помыть его и чуть не утопила; я положила его в ванну, а он бултыхнулся и ушел под воду. Если бы бабушка его не вытащила, я была бы единственным ребенком в семье.

Я, моя тетя Ксения, бабушка Милица и мой брат Велимир. 1953

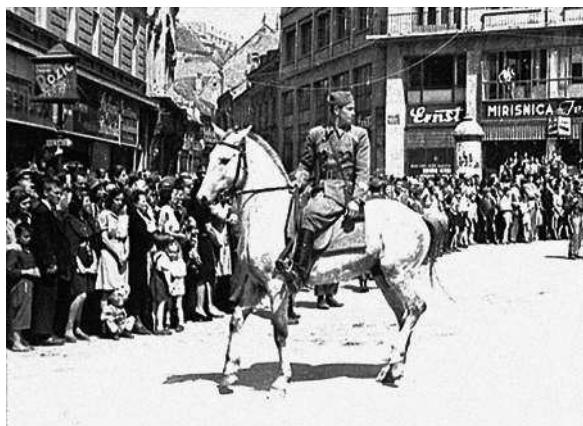
Конечно, меня наказали. Наказывали меня часто, за малейшие провинности, и наказывали, применяя физическую силу, — били и давали пощечины. Наказывали меня мать и ее сестра Ксения, которая одно время жила с нами, отец — никогда. Они избивали меня до посинения, у меня были повсюду синяки. Иногда они применяли и другие методы. В нашей квартире был потайной гардероб, глубокая и темная кладовка — на сербскохорватском «плакар». Поверхность двери была вровень с поверхностью стены, и не было ручки, чтобы ее открыть, нужно было толкать. Я была очарована этой кладовкой и одновременно боялась ее. Ходить туда было запрещено. Но когда я вела себя плохо или когда тетя и мама говорили, что я вела себя плохо, меня запирали в этой кладовке.

Я очень боялась темноты. Но этот плакар был наполнен привидениями и духами — светящимися созданиями, бесформенными, тихими и совсем нестрашными. Я разговаривала с ними. Для меня

их присутствие не было сверхъестественным. Они просто были частью моей реальности, моей жизни. И как только я включала свет, они исчезали.

~

Мой отец, как я уже говорила, был очень симпатичным мужчиной с сильными, суровыми чертами и густой гривой, придающей ему властный вид. Героическое лицо. На военных фотографиях он практически всегда заснят на белом коне. Он сражался в составе 13-й Черногорской дивизии, отряда головорезов, осуществлявших молниеносные рейды к немцам, — это требовало невероятной отваги. Многие его друзья были убиты на его глазах.

Войо в день освобождения. Белград, 1944

Его младший брат был взят нацистами в плен и замучен до смерти. Головорезы моего отца схватили солдата, убившего его брата, и привели к нему. Мой отец не застрелил его. Он сказал: «Никто не может вернуть моего брата к жизни» — и отпустил того солдата. Он был воином и глубоко этически относился к сражению.

Мой отец никогда не наказывал меня ни за что, никогда не бил, и я полюбила его за это. И несмотря на то что он много времени проводил в военных командировках, пока мой брат был маленьким, постепенно мы с Войо стали друзьями. Он всегда делал для